— Что ж, тогда до свидания.

Добравшись с герцогом до входа на рыночную площадь, Лизель направилась к карете, на которой сюда приехала.

Честер тоже склонил голову и отправился к своему экипажу. Пункт назначения у них был один и тот же, но они, как будто это было в порядке вещей, решили отправиться порознь.

В отличие от утренней поездки, Веразель залезала в карету с кучей багажа в руках.

«Мне нужно торопиться, потому что я задержалась с покупками».

— Поехали.

По сигналу кучера карета тронулась.

Однако, едва отъехав, остановилась.

«А я-то думала, что наконец смогу немного поспать».

— Что такое? Что случилось? — окликнула кучера Лизель.

— Кажется, проблема с экипажем герцога.

— С экипажем герцога?

Какая неожиданность. Лизель отдернула тонкие занавески и выглянула в окно.

— И правда.

Она видела, что герцог Честер стоит напротив своей кареты и с серьезным видом разговаривает с кучером.

Ситуация была очень неприятная. Он хмурился.

Что бы ни случилось с каретой, ясно одно: колесо у нее сломалось.

— Леди Просье, почему бы вам не поехать вместе с герцогом?

Когда кучер задал этот вопрос, на лице Веразель появилось неудовольствие.

Однако и эта карета, и сам кучер принадлежат герцогу, так что она не может пройти мимо.

«О господи, нет».

— А-а, — вздохнув, Лизель поднялась. — Герцог, вы собираетесь домой?

Честер слегка нахмурился, когда девушка открыла дверь кареты и закричала, обращаясь к нему.

— Если вы хотите попасть в поместье, садитесь к нам.

— Все хорошо, поезжайте, — ответил аристократ, отворачиваясь от Веразель.

Когда она это увидела, у нее зашумело в голове от злости. Но вскоре взяла себя в руки и, притворяясь, что ничего не произошло, все-таки слегка улыбнулась.

— Просто садитесь к нам.

«Тот, кто может смеяться в такое трудное время, бесценен», — вот о чем подумала Веразель и позвала его снова.

— Герцог, колесо разлетелось в щепки, так что на починку уйдет много времени.

Кучер покачал головой. Поскольку казалось, что это затянется дольше, чем возможно для его планов, Честер обеспокоился.

У него была назначена встреча с сенатом по поводу развития шахт.

«Очевидно, если я опоздаю, они снова будут говорить о моей собственности без моего присутствия».

— Давайте. На это действительно уйдет много времени.

Герцог спешил, но у него была причина отказываться, несмотря на то, что эта женщина, протянув руки, улыбалась ему.

Ведь она приводила его в ярость своими вежливыми речами.

— Я поеду сейчас.

— Да, сэр. Я все починю и последую за вами.

Они мешали Честеру бесчисленное количество раз. Если сенату подсунут это дело, вне всяких сомнений, он на него клюнет. Честер не мог позволить такому случиться.

«Лучше было бы вернуться в карете вместе с этой женщиной».

— Будет неплохо, если вы поедете сейчас, — прошептала Веразель, глядя, как Честер садится напротив.

«Я беспокоюсь, что Лапель проснется, пока меня нет. И сейчас я думаю, что он, возможно, уже волнуется и ищет меня».

Честер не обратил внимания на слова Лизель и подал знак кучеру. Колеса снова задвигались.

Они смотрели в окно — каждый в свою сторону. Честер сидел, скрестив ноги и распахнув левое, а Веразель любовалась окрестностями через правое.

Они надеялись, что скоро доберутся до поместья.

Им было очень неудобно ехать вместе.

Они не разговаривали, поэтому в закрытом экипаже царила удушающая тишина. Хотя карета была сконструирована достаточно удобной для того, чтобы был слышен только звук вращающихся колес, на больших камнях она дребезжала и раскачивалась.

Каждый раз при этом ноги сидящих друг к другу лицом людей слегка вздрагивали.

Между сиденьями было полно места, но им все же случилось вступить в ненамеренный контакт из-за того, что у Честера слишком длинные ноги. Однако никто из них не отодвинулся, сказав, что ему неудобно.

Причина была проста: ни один из них не хотел проигрывать.

«Кто бы ни двинулся с места первым, но это буду не я».

«Я с самого начала это знала. Он очень упрямый парень».

Веразель напрягла ногу, которая касалась ноги Честера, чтобы ее не оттолкнули.

Честер тоже напряг свою. Причем так сильно, что колено Лизель отодвинулось в сторону.

«Как ребенок!».

Лизель уставилась на герцога. Честер с непринужденным видом скрестил руки на груди, как будто ничего не произошло.

Отказываясь сдаваться в этой детской борьбе, Лизель расслабилась и откинулась на сиденье.

«Я вообще не хочу даже разговаривать с ним, так что лучше было бы поспать, пока мы не приедем в поместье».

Через несколько минут она уснула: все потому, что упорно трудилась с самого утра.

В повисшей в карете тишине можно было услышать мирное дыхание спящей Веразель.

И в этот момент Честер, молча глядевший в окно, повернул крепкую шею.

Он увидел, что глаза Веразель закрыты. Его взгляд остановился на ней.

Она спала, и ее лицо выглядело совершенно беззащитным, было ли это обманом или нет.

Хотя в этом году ей исполнялось двадцать, лицо у нее — совсем как у ребенка и не соответствовало ее возрасту.

Это невинное выражение, которое не ожидаешь встретить у девушки, исполненной тщеславия и мыслей о роскоши. Нельзя судить людей по их внешности, особенно тех, кто, кажется, не обманывает ради вознаграждения.

Честер снова повторил себе истину, о которой помнил всегда.

Его отец имел репутацию человека, который был более любящим, чем кто-либо еще в этом мире. Он, всегда мило улыбавшийся другим, давал пощечины собственным детям.

Когда на ум Честеру пришли неприятные старые воспоминания, он отвернулся.

«Мне кажется, что ко мне опять возвращается то, что я не хотел бы помнить».

Бам!

«А?».

Против воли он снова перевел взгляд на Лизель.

Ее голова склонилась к стене кареты и билась достаточно громко, однако Лизель просто хмурилась и не просыпалась.

Голова Веразель снова устремилась к стенке кареты.

Однако на этот раз громкий звук не послышался.

А все потому, что герцог поднялся и закрыл голову Веразель.

Он нахмурился, увидев, что она так сильно бьется о стену, и просто не мог усидеть на месте.

Несмотря на все происходящее, Веразель только что-то пробормотала и зарылась лицом в его ладонь. Должно быть, она перепутала его руку со стеной.

Честер нахмурился, ощутив в руке покалывание, и прислонил ее головой к стене кареты.

Затем вытащил руку и торопливо вернулся на свое место. Но его попытка была бесполезной: Веразель опять склонила голову и стала биться ею о стену.

— Ха, — горько рассмеялся Честер.

Она совсем бестолковая или что-то в этом роде? Ему, наблюдавшему за этой сценой, было больнее, чем ей, которая, собственно, и ударялась.

Он снова скрестил ноги и откинулся назад. На этот раз он не поддерживал ей голову, потому что понял, что это бесполезно.

«Пусть сама проснется».

Наблюдая за ней сузившимися глазами, он повернулся к коробке, которая стояла напротив Лизель.

Упаковка, дополнительно завернутая в бумагу, содержала в себе снежный шар, который она выиграла в их сражении не так давно.

«Ты купила его для того ребенка? Это смешно», — и он отмел эти мысли.

Должно быть, она играла на публику, для него, что покупает снежный шар для ребенка, или же с самого начала купила его себе. В любом случае, это была блажь и пустая трата денег.

Честер этого не хотел, но он закрыл глаза, потому что его весьма раздражал вид тщеславной женщины, бившейся головой.

Уже много раз он услышал слово «мама».

Честер открыл глаза, когда тихий голос снова разорвал тишину и в очередной раз вонзился ему в уши.

— Мама, — сказала она.

Веразель бормотала это слово и плакала, зовя мать. Ей явно снился кошмар — ее брови были нахмурены.

Честер молча уставился на нее.

И в самом деле, странная женщина. Она ведет себя как дружелюбная мать, но в то же самое время давит на ребенка, возводит стену между ним и собой, таращится на него как кровожадная рысь и изображает добросердечную солнечную улыбку, сообщая ему, что победила.

А сейчас она печально звала мать и плакала. Эту женщину действительно нельзя недооценивать.

— Ох, мама, — Лизель снова печально позвала мать, и он не выдержал. Вытянув руку, он легонько погладил брови девушки, словно его притягивало магнитом.

И ее напряженное лицо тут же расслабилось.

Ей больше не снился кошмар. Красные губы облегченно выдохнули.

«Тебе грустно, потому что думаешь, что еще долго не увидишь родителей?».

Когда внутри кареты снова стало тихо, Честер молча уставился в окно.

Для такого поведения не было особенных причин. Просто она раздражала его, пока искала мать во сне.

http://tl.rulate.ru/book/52860/1475506